

О Демьяне Бедном—мужике вредном

Настоящее его имя—Ефим Алексеевич Придворов, но кто же не знает Демьяна Бедного? Его популярность в широчайшей читательской массе не знает себе примера. Он один. Но о нем говорят и пишут редко, мало, неохотно. Точно не замечают. И правда, он несет черную, трудную, ежедневную литературную работу. Ничего праздничного, для развлечения у него нет. Его и поэтом настоящим многие не считают, а фельетонистом, газетным писакой только. Только в последнее время начинают поглядывать и замечают, что этот мижик — вредный — огромный, своеобразный поэт.

Его своеобразие в том, что он не умеет и не хочет делить поэзию и жизнь. Он ни одной строки не написал так-себе, или для себя, или потому, что она показалась красивой. Искусства для искусства он не знает. Его слово—всегда его дело. Если вы хотите найти истинную оценку и определение его таланта, не читайте критику, не заглядывайте в журнал—приказ Реввоенсовета Республики от 22 апреля 1923 года, № 279, подписанный Троцким, и постановление ВЦИК, подписанное Калининским—вот его критика. Не правда-ли, немножко страшные и неожиданные инстанция для оценки литературы. Как будто бы не по подсудности, как говорят юристы. «Которые дела мировому неподсудны»,—говорит грамотей-урядник Пришибеев.

А вот оказывается—подсудны. Литературные дела подсудны им—и РВСР и ВЦИК, потому что литература Бедного—это сама жизнь, борьба—и кому-же другому судить об успехе и удачах этой борьбы.

Метким стрелком по врагам трудящихся, доблестным кавалеристом слова—называет его приказ. И правда: он столько же поэт, сколько красноармеец. Он вооружил Красную армию героизмом, сознанием правоты своего дела.

И это оружие было острое и отточенное. Оно делало свое дело. В стан белых оно внесло разложение и прояснение ума обманутых и темных масс. Начитавшись Бедного—перейти к красным,—это было,

было, как исторический факт в белых армиях. И недаром белые создавали одного за другим своих лже-Демьянов, почтисших жидов и большевиков. Они знали, что он умеет говорить с массами и его именем хотели прикрыть свои речи, чтоб они дошли до сознания и ума. А сколько собрано и уже рассказано в печати случаев, когда бойцы Красной армии шли охотнее в бой, воодушевлялись и выпрямлялись душой, послушавши его простых, как деревня, мужицких слов.

Вот маленький пример его влияния и веры в это влияние. В Петербурге стоит на площади памятник царю Александру III, поставленный до революции. Снять царский памятник, поставленный в прославление монархии? Нет. Петербург решает иначе. Он прибавляет к памятнику четыре строки Демьяна Бедного—и памятник становится пугалом.

ПУГАЛО

Мой сын и мой отец при жизни казненны.
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны.

Павеки сбросившей ярмо самодержавья.
И уже памятник влияет на чувства и ум проходящих так, как надо, как хочет Демьян Бедный.

Сам Д. Б. родом из крестьян, родился и провел детство в деревне Херсонской губернии. Отец был рабочим на заводе в городе, мать крестьянствовала в селе. Демьян жил годами и с отцом, и с матерью. Вот, вероятно, что помогло ему сделаться одинаково своим поэтом и для рабочих, и для крестьян. Эти две стихии в революции, две разные психологии обычно представлены очень разными и несхожими поэтами. Но Д. Б. слил в своем голосе и ту, и другую. Потом школа, аттестат зрелости, Петербургский университет—все еще вне революционного движения.

Но вот в страшные годы реакции Д. Б. становится деятельнейшим сотрудником большевистской печати. По цензурным условиям газета часто меняет свое имя и редактора,—но го подписи Д. Б. читатели признают, что это своя газета, именно та. С начала революции и до сегодняшнего

дня он бессменно и без отдыха стоит на посту. Все события—от международных и до самых мелких непорядков и неустойчивостей нашей жизни—вызывают живой отклик его.

В его стихах не меньше, чем в передовицах газет и агитационных речах, вычитывают массы истинный смысл событий.

Вот ему пишут:
«Пропиши нам про это, товарищ Демьян, нам просто пишут, и товарищ Колонтай писала тоже, да мы не можем понять. А как ты напишешь, так мы понимаем, потому выговор у тебя приятный».

Или еще:
«Усю ночь, дорогой товарищ, я изучал редакцию вашего остроумия и теперь уже знаю наизусть».

Так что дело не только в простоте и доступности, но именно в художественной силе, в умении влиять на чувства, заражать своим волнением. Дело в приятном выговоре,—в реакции остроумия, которое только передаточный механизм революционных идей в массы.

Темы Демьяна?
Если вы заглянете в комплект газет или в памяти переберете все важные и мелкие события, которыми мы жили за эти годы, вы получите точный каталог его тем. Он сам называет себя сторожевым псом паших темных углов.

И прав, кто скажет мне в укор,
Что я сплошную красною краскою
Пишу и небо; и забор.

И этот барабанный поэт, взявший вместо лиры барабан, чтобы придать единство и дать такт и ритм движению масс, не боится разговаривать с массой на самые скользкие темы.

Не жидовская-ль порода
Нынче силу забрала...
Троцкий? Это жид патлатый!
Но его на всех местах
Первый жид,—но жид богатый
Разопнет на трех крестах.

«В вашем лице поэзия, быть может, впервые в истории, так ярко связала свои судьбы с судьбами человечества, борющегося за свое освобождение, и из творчества для немногих избранных стала творчеством для масс», писал ему ВЦИК.

Л. В.